

Резко ударила по ушам тишина кабинки. Иеске выключил мотор. Планируем. Кузнецкий аэродром—небольшая плешина среди болотных кочек и глубоких дорог.

Что-то будет?

На нас валится тяжелая земля Кузбасса, земля, насыщенная углем и железом.

Не курите, не грызите, не пейте!

Земля в хрустящем шуме косматится под колесами и пропадает. Мы завязаем в горячем красном киселе губ. С порога кабинки лицо громадной человеческой глыбины, встречающих—красно, оно смотрит на нас красными губами, распяленными улыбкой (глаза закрыты или зажмурены от удовольствия). Мы видим красные волны улыбок, губы в улыбках.

Хорошо в этот красный кисель бросать с крыла самолета свои слова-камни. Смотреть, как тяжело расходятся по толпе густые волны.

Толпы встречающих ждали самолет несколько часов. Толпы рады, веселы, что дождались, что самолет прилетел. Приподнято смешливо настроены и мы оттого, что не смеялись в воздухе. Мы фыркаем в рукава, трясемся в смехе, когда наш губовый хим Дольский, в припадке аскетического самоограничения, призывает толпу не курить папирос, не пить вина, не грызть семечек, не есть конфет.

— Товарищи, бросьте эти мешанские замашки. Подсчитайте, сколько денег вы прокуриваете, прогрызаете, пропиваете! Миллионы, товарищи! Отдайте их на воздушный флот! Международные противоречия говорят за то, что мы должны иметь свой флот.

Осенние сумерки быстры. Они забрасывают нас сырыми, серыми кошками тумана. Мы кончаем митинг и едем в столовку.

В столовке, сидя за громадным столом, Иеске с напускной серьезностью спросил Дольского:

— Курить нельзя, пить нельзя, грызть нельзя, а еее...сть можно, молодой человек?

Дольский смущенно опустил свое безусое лицо. Ответ на вопрос пилота дала сама «жизнь» в лице заведывающего коммунальной столовой товарища Бедеркова, человека в громаднейших подусах. Бедерков поставил на стол тяжелую миску с дымящимся супом.

Там, где жил Ф. М. Достоевский.

Город Кузнецк. Здесь я ссыпал в записную книжку целые сокровища. Будет время—я займусь их разбором, приведением в порядок, шлифовкой. Пока же я не хочу разоблачать своих замыслов, развенчивать родившихся образов. Сейчас я об этом городе не хочу писать пером художника (ведь художники всегда «преувеличивают»). Я отдаю свое перо бесстрастному протоколисту...

Итак, я с товарищем Х еду в крепость. Крепость на горе над городом. Город расположился на трех террасах. Первая верхняя—крепость, вторая, средняя—центральная часть города, третья нижняя—следующая за центром часть и окраина.

Над входными воротами на крепостной церкви вырублено саженное рохобное слово из трех букв. Ниже подпись: студент Рычков. Церковь сожжена красным бандитом Роговым и в настоящее время утилизируется расовыми порохового погреба для известных надобностей. Пол церкви покрыт толстым слоем человеческих экскрементов, стены иссечены и изма-

заны надписями из «заборного писания». Крепостная одноэтажная тюрьма сожжена и разрушена до фундамента, от нее остались кучи обгорелых камней и кирпичей. В уничтоженной (тем же Роговым) тюрьме, в камере № 6, сидел Ф. М. Достоевский. До нашествия скопищ Рогова, камера Федора Михайловича показывалась посетителям.

По крепостному валу, обросшему травой, мы всходим на стену из дикого камня. Несколько орудий смотрят слепыми глазами на степи, на белые плешины гор. На пушках надписи—Екатеринбург на Каме 1802 год.

Несколько орудий мертвыми, свинными тушами валяются под стеной.

— Был у нас ответственный секретарь укома, Травников, да зам-преду исполкома Осипов,—говорит мой спутник,—ну, устраивали они пикники здесь, выпивали, конечно, и спёхивали орудия со стены.

Стена церкви, около которой «гуляли» Травников и Осипов, щедро исписана заборными лозунгами. Это, вероятно, в целях «разоблачения поповского обмана».

Едем обратно. Товарищ Х показывает мне достопримечательности Кузнецка.

— Вот это собор, а около него старинное кладбище. Здесь схоронены телеутские князья.

Меня интересует двухэтажный собор. Он, как и все церкви Кузнецка, сожжен Роговым. Недавно верующие восстановили нижний этаж и в нем служат. Сторож охотно провожает меня по церкви.

Я медленно иду по рубчатым, черно-рыжим, чугунным плитам. Мне кажется, что я иду по запекшейся, заржавевшей крови. Сюда в 19 году роговцы согнали «буржуев, попов и прочих паразитов» и здесь «казнили» их четвертованием, жгли. Здесь, в алтаре, на престоле, была разложена и изнасилована толстая купчиха Акулова. Изнасиловав Акулову, роговцы воткнули ей в живот зажженную рублевую свечу.

Потом собор, заваленный трупами убитых и недобитых купцов и попов, зажгли. От собора остались стены. Колокола свалились с колокольни, расплавились, полопались, покололись, как яичная скорлупа.

На базарной площади товарищ Х толкает меня в бок.

— Вот роговец идет. Он вам все расскажет.

Товарищ Х останавливает сумрачного человека в грязной, заячьей папахе. Я вижу серое оспинное лицо, серые обкусанные усы, серую щетину бороды и мертвые глаза мерзлой рыбы.

— Товарищ Волков—роговский партизан.

Серый, тяжелый человек, человек из серого тяжелого цемента, протягивает мне холодную, негнущуюся, цементную руку. Я уславливаюсь встретиться с ним на квартире у Х.

Мы едем к местному культуртрегеру Д. Т. Ярославцеву. Я хочу записать все, что ему известно о жизни здесь Достоевского. Вот рассказ Ярославцева.

— Два месяца Федор Михайлович жил на Большой улице в доме Дмитриева. Большая улица теперь названа улицей Достоевского. Хотя правильнее было бы назвать его именем Картасскую, на которой он жил два года. На Картасской улице (угол Блиновского переулка) Достоевский жил в доме Вагина.

Домик был одноэтажный, старинный, на две «стопы» (два сруба соединенные сенями), крыт был драньем, с низенькими потолками, с маленькими окошечками в разноцветных стеклах. Дом, к сожалению, не сохранился—разобран на дрова. На его месте теперь пустырь.

Шатровый, одноэтажный дом Дмитриева на Большой улице тоже не сохранился в том виде, как он был при Достоевском. Дом перестроен, перекрыт.

В Кузнецке Достоевский был дважды.